

себя не только сверхмірную, но и мірскую этику, постольку оно соглашается на допущеніе и исторически-относительныхъ критеріевъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ принимаетъ утилитаризмъ земныхъ средствъ. Поэтому и кажется, что въ христіанствѣ двѣ морали: одна — сверхъисторическая, чисто религіозная, опредѣляющаяся исключительно жизнью въ Богѣ, а другая историческая, считающаяся съ условіями земного существованія. И эта двойственность, этотъ антиномизмъ отражается и на разрѣшеніи двухъ основныхъ вопросовъ исторической жизни: о правѣ и о хозяйствѣ.

Нагорная проповѣдь не знаетъ ни права, ни государства,—это фактъ. Она не отрицаетъ ихъ подобно какой-либо анархической доктринѣ, но она ихъ не замѣчаетъ, поднимаясь въ высшую, чисто религіозную плоскость. Она не даетъ государственно-правовой программы, въ которой бы отрицалось государственное насиліе, судъ, собственность, но она имѣетъ въ виду настроеніе, для котораго просто не существуютъ всѣ эти земныя средства и земныя цѣнности. И поэтому, когда ее превращаютъ въ проповѣдь анархизма, т. е. видятъ въ ней ученіе, относящееся къ той же плоскости, что и государственность, но лишь съ противоположнымъ содержаніемъ, то дѣлаютъ грубѣйшій подмѣнъ понятій и смѣшеніе областей. И именно потому, что нагорная проповѣдь лежитъ совсѣмъ въ другой плоскости, чѣмъ всѣ земныя цѣнности, то относительное признаніе государственности, которое, безспорно, допускается христіанствомъ въ исторической морали, въ земной плоскости, не является противорѣчіемъ, но свидѣтельствуетъ объ антиномичности жизни, за разъ опредѣляющейя критеріями двухъ различныхъ, хотя и какъ-то пересѣкающихся, міровъ. Что христіанство въ исторической плоскости попускаетъ государство, это явствуетъ не только изъ словъ Спасителя о кесаревомъ и Божьемъ ¹⁾ и принципіальнаго истолкованія значенія государства какъ

1) Какъ примѣръ евангельскаго антиномизма, который легко можетъ быть истолкованъ какъ прямое противорѣчіе, укажу на загадочныя слова Христа ученикамъ, которыя, конечно, Толстой оставляетъ безъ вниманія въ своей проповѣди непротивленія. Вотъ эти слова: „когда Я посылалъ васъ безъ мѣшка и безъ сумы и безъ обуви, имѣли-ли вы въ чемъ недостатокъ? Они отвѣчали: ни въ чемъ. Тогда Онъ сказалъ имъ: но теперь, кто имѣетъ мѣшокъ, тотъ возьми его: также и суму; а у кого нѣтъ, продай одежду свою и купи мечъ... Они сказали: Господи, вотъ здѣсь два меча. Онъ сказалъ имъ: довольно“ (Лк. 22, 35—8).